

УДК 81-139

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА В ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹

Ольга Викторовна Федорова

д. филол. н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119899, Москва, Ленинские горы, 1. olga.fedorova@msu.ru

Работа посвящена описанию двух лингвистических направлений, которые до недавнего времени были совсем мало связаны между собой – экспериментальному анализу дискурса и полевой лингвистике. В разделе 1 описана относительно новая для психолингвистики традиция экспериментального анализа дискурса; раздел 2 посвящен методологическим особенностям полевой лингвистики; наконец, в разделе 3 показана перспективность экспериментальных дискурсивных исследований в полевой работе. Ключевым понятием данной статьи является понятие элицитации – сознательное изменение исследователем условий естественного языкового взаимодействия, не удовлетворяющее строгой процедуре эксперимента. Данное понятие широко используется в полевой лингвистике и редко употребляется за ее пределами. Как представляется, термин «элицитация дискурсов» хорошо описывает пограничные случаи экспериментальной работы психолингвиста с дискурсом, лежащие между «чистым» наблюдением и «чистым» экспериментом. В то же время традиционно в полевой лингвистике метод элицитации распространен при сборе словаря и грамматических особенностей и совсем мало используется при сборе текстов. Однако полевые исследования последних лет демонстрируют новый подход, в котором важное место отведено именно элицитации дискурсов.

Ключевые слова: психолингвистика; дискурс; полевая лингвистика; эксперимент; элицитация.

*Памяти моего учителя, Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012),
который сначала привил мне вкус к полевой лингвистике,
потом предложил заняться психолингвистикой,
а затем показал перспективность дискурсивных исследований*

1. Экспериментальный анализ дискурса

Лингвистический анализ дискурса – самая молодая из уровневых (таких, как фонология, морфология, синтаксис) дисциплин, исследующая максимальные единицы – тексты – в процессе их использования в языковой деятельности (историю и описание направлений развития современного лингвистического анализа дискурса см., в частности, в работах [Кибрик А.А. 2003, 2009; Dijk van 1997; Biber, Connor, Upton 2007; Kibrik А.А. 2011; Renkema 2004; Schiffrin, Tannen, Hamilton 2001]). Согласно с А.А. Кибриком [Кибрик А.А. 2009] дискурсивные исследования в области языка можно разделить на три группы, первая из которых пока разработана слабее двух других: (1) типология дискурсов – какие бывают дискурсы и по каким основаниям они друг от друга отличаются; (2) структура дискурсов – чем глобальная структура дискурса отличается от локальной структуры и как можно их единообразно описывать; (3) связь дискурсивных явлений с явлениями фонологическими, морфо-

логическими и синтаксическими – как уровень дискурса влияет на процессы, происходящие на более «низких» уровнях. Данная статья посвящена описанию новой научной традиции экспериментального изучения дискурса, корни которой уходят в междисциплинарные связи между психологией и лингвистикой, а именно, **экспериментальному анализу дискурса**.

Одним из центральных вопросов в области экспериментального анализа дискурса является вопрос о естественности языковых данных. Как отмечает У. Чейф, необходимо оценивать не только то, насколько теория соответствует данным, а данные укладываются в теорию, но и само качество данных и теорий [Чейф 2008]. Если теории обычно оценивают в терминах полноты и фальсифицируемости, то данные важно оценивать с точки зрения их естественности. В качестве примера искусственного предложения У. Чейф приводит одно из предложений некоторого психолингвистического эксперимента: *Emily wondered whether the performer in the*

concert has imitated a pop star for the audience's amusement 'Эмили интересовало, изображал ли исполнитель во время концерта поп-звезду для зрительского развлечения'. Комментируя его, У. Чейф пишет, что такой пример не может встретиться в естественной речи; кроме того, будучи вырванным из контекста, он и вовсе теряет всякий смысл. «Данные такого рода повсеместно используются в психологических экспериментах, – заключает У. Чейф, – и по иронии судьбы эти работы часто называют эмпирическими» [Чейф 2008: 82]. Таким образом, естественность языковых данных по У. Чейфу может рассматриваться по крайней мере в двух аспектах – (1) естественность примера как невырванность его из контекста и (2) естественность примера как его неискусственность.

Когда лингвист берет из какого-нибудь литературного произведения отдельное слово или даже предложение и начинает рассматривать его под разными углами зрения, он тем самым превращает его в некоторый конструкт, так как никакое слово и предложение не предстает перед нами сразу во всех своих возможных смыслах. Наоборот, в каждом конкретном случае мы имеем дело только с одним из множества его теоретически возможных значений, которое и задается контекстом его употребления. Это совершенно очевидно, когда мы говорим об отдельном слове, вырванном из предложения, однако это остается справедливым и для отдельного предложения, вырванного из более широкого контекста. Чтобы в более наглядной форме продемонстрировать тезис о том, что значение дискурса не складывается из суммы значений его частей, можно привести пример текста с переставленными местами предложениями или пример, который приводит Ч. Филлмор. Представим себе две таблички, висящие у бассейна: *Please use the toilet, not the pool* 'Пожалуйста, используйте туалет, а не бассейн' и *Pool for members only* 'Бассейн только для членов клуба'. По отдельности они кажутся вполне уместными, но если соединить их в одну надпись, это вызовет комический эффект и потребует от читающего произвести реанализ.

Кроме того, в реальной жизни человек говорит не отдельными словоформами, морфемами или даже предложениями, которые обычно и являются предметами лингвистического анализа, а целыми дискурсами. Таким образом, с этой точки зрения, дискурс является максимально естественным объектом и одновременно предметом лингвистического исследования. Используя аналогию из работы Р.М. Фрумкиной, можно сказать, что только дискурсивный анализ позволяет нам анализировать «живые» (in vivo)

языковые факты, в то время как более низкие уровни лингвистического описания имеют дело с языковыми фактами «в пробирке» (in vitro) [Фрумкина 1999].

Использование сконструированных самими исследователями примеров приводит к тому, что испытуемый вынужден оценивать предложения или даже целые дискурсы, которые он никогда бы не смог встретить в процессе реального языкового взаимодействия. Авторы работы "Discourse comprehension" [Graesser, Millis, Zwaan 1997] ввели специальный термин для обозначения таких искусственных дискурсивных фрагментов – «текстоид». Имея низкую экологическую валидность, языковые данные, полученные на основе таких оценок, вряд ли могут считаться надежными; ср. аналогичную цитату из введения в "Handbook of discourse processes": «Подобный дискурсивный материал является неестественным и нерепрезентативным. В такой ситуации исследователь оказывается вынужден изучать скорее то, как испытуемые приспосабливаются к необычному дискурсивному материалу, чем нормальные дискурсивные процессы и стратегии» (здесь и далее перевод цитат мой – О. Ф.) [Graesser, Gernsbacher, Goldman 2003: 6].

Из сказанного выше становится понятно, что максимально чистые с точки зрения естественности языковые данные могут быть получены только при анализе спонтанного дискурса. Таким образом, корпуса спонтанных дискурсов являются основным источником экологически чистых языковых данных. Более того, многие исследователи, занимающиеся дискурсивным анализом, эксплицитно объявляют этот метод сбора языковых данных единственно возможным. Однако не все так просто. При таком подходе, анализируя полученные данные, исследователь может только выдвигать некоторые гипотезы, но не может их строго доказывать, так как принципиальная многофакторность дискурсивных процессов не позволяет ему анализировать какой-то один фактор изолированно от всех остальных. В этой ситуации он поневоле вынужден вводить те или иные элементы экспериментирования. Подобным экспериментированием и занимаются исследователи, работающие в области экспериментального анализа дискурса, в котором всегда присутствует тот или иной элемент сознательного манипулирования процессом естественного языкового взаимодействия.

Методы, которые используют дискурсивные психолингвисты, можно разделить на собственно экспериментальные методы и методы элицитации² дискурсов. Вторые методы отличаются от первых отсутствием требования жесткой контро-

лируемости экспериментальных условий, а также отсутствием необходимости установления причинно-следственных связей между явлениями. Оставив в стороне собственно экспериментальные методы (об этом см. [Федорова 2014: 115–134]), рассмотрим два наиболее популярных метода элицитации дискурсов³ – метод референциальной коммуникации (раздел 1.1) и метод рассказа по картинкам/видеороликам (раздел 1.2).

1.1. Метод референциальной коммуникации

Суть данного метода состоит в том, что два собеседника совместными вербальными усилиями выполняют некоторую когнитивную задачу, успешность выполнения которой во многом зависит от слаженности их взаимодействия. Собеседники в таких экспериментах обычно переговариваются через специальный экран или по телефону, причем первый тип взаимодействия в последние годы намного популярнее второго. Кроме того, остаются одинаково популярными два типа экспериментального задания: пройти определенным путем по лабиринту (методика «лабиринт») и разложить в некотором определенном порядке предметы, первоначально лежащие в беспорядке (методика «беспорядок»). Отметим, что в том виде, в котором данный метод был разработан Р. Крауссом (см., например, [Krauss, Weinheimer 1966]), в настоящее время он уже не используется. Большой вклад в усовершенствование разновидности методики «беспорядок» внес Г. Кларк с коллегами в «Диалогах о танграммах» – серии известных экспериментов (в частности, см. [Clark, Wilkes-Gibbs 1986]) с так называемыми танграммами – фигурками из китайской головоломки (см. рис. 1).

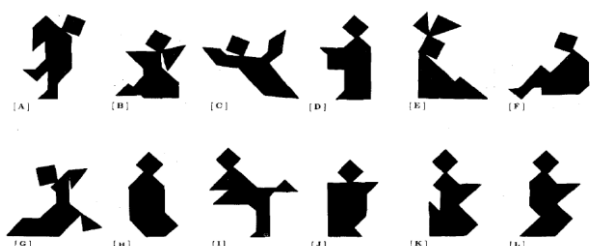

Рис. 1. Стимульный материал эксперимента из работы [Clark, Wilkes-Gibbs 1986]

Материал, который исследователь обычно получает в таком исследовании, мы будем называть **корпусом элицитированных (извлеченных) дискурсов**. Корпус элицитированных дискурсов обладает следующими характерными чертами:

- 1) не является корпусом в строгом смысле слова⁴;
- 2) представляет собой достаточное для конкретной исследовательской задачи количество дискурсов;

3) включает в себя однотипные дискурсы, записанные при совместном решении одной и той же когнитивной задачи;

4) если это корпус устной речи, то исследователю доступна не только и не столько расшифровка записей, но и аудио-, а часто и видеозапись всего процесса взаимодействия.

Обычно каждый подобный корпус элицированных дискурсов собирается автором для своей конкретной задачи. Однако часто собранный корпус может быть использован и для других задач, иногда сильно отличающихся от исходной. В этом состоит преимущество данного типа собранного языкового материала по сравнению с экспериментальными данными, полученными в более традиционных для психолингвистики областях: например, если исследователь морфологии проведет эксперимент на морфологический прайминг, результаты этого эксперимента, состоящие из длинных списков отдельных слов, мало кого заинтересуют в качестве корпуса примеров. С другой стороны, однако, результаты, полученные при анализе корпуса элицированных дискурсов, нуждаются в дальнейшем подтверждении собственно экспериментальными методами.

В настоящее время среди исследователей диалогового взаимодействия собеседников метод референциальной коммуникации является очень востребованным. Например, современная модификация методики «беспорядок» была использована в работе [Butler et al. 2011] на материале майянского языка юкатек. Первый испытуемый смотрел короткий видеоролик и должен был одним предложением описать содержание этого видеоролика второму испытуемому, который, в свою очередь, должен был выбрать из двух имеющихся на мониторе его компьютера картинок, которая соответствовала приведенному описанию.

Рассмотрим еще одно исследование, проведенное с использованием немного другой разновидности этого метода. Стимульный материал, использованный в работе [Goudbeek et al. 2011], был заимствован из корпуса “Tuna” [Gatt, Sluis, Deemter 2007], который был специально создан для изучения референциальных выражений. Этот корпус состоит из двух подкорпусов картинок, в которых содержатся фотографии известных математиков (первый подкорпус) или различных предметов мебели (второй подкорпус). В ходе эксперимента испытуемые должны были находить по услышанному в наушники описанию (например, *the red chair*) предъявленный им на картинке предмет мебели, а затем сами произносить описание целевой картинке (*the blue fan*).

Важно отметить, что в двух последних исследованиях была использована строгая экспериментальная процедура. Если исследователям удастся при этом сохранить естественность диалогового взаимодействия, они тем самым добиваются как высокой внутренней валидности, так и высокой экологической валидности.

В то же время задача использования метода референциальной коммуникации для более традиционной задачи сбора корпусов элицитированных дискурсов также продолжает оставаться актуальной. В частности, в работе [Westerbeek, Maes 2011] была использована вторая классическая разновидность метода референциальной коммуникации – «лабиринт». В ходе эксперимента один испытуемый объяснял другому дорогу на карте одного из районов Манхэттена в Нью-Йорке. В результате был получен корпус, состоящий из 43 элицитированных дискурсов, который потом был использован для анализа референциальных выражений.

1.2. Метод рассказа по картинкам/видеороликам

Данный метод является классическим и в то же время самым популярным на сегодняшний

день методом сбора **корпусов элицитированных рассказов**. При использовании метода рассказа по картинкам испытуемый бегло просматривает все картинки, а затем более подробно рассматривает каждую из них, комментируя изображенное. В случае рассказа по видеоролику испытуемый смотрит видеоролик, а затем, после окончания просмотра, пересказывает его содержание. Хотя в реальной исследовательской практике можно встретить самые разные разновидности этих методов⁵, считается, что прототипический рассказ по картинкам представляет собой **онлайновое комментирование**, а прототипический рассказ по видеоролику – **оффлайновый пересказ**⁶.

«**Рассказы о лягушке**». В качестве примера онлайн-комментирования рассмотрим серию исследований, проведенных на материале популярной в этой области книжки с картинками под названием “Frog, where are you?” (‘Лягушка, где ты?’) [Mayer 1969]. Эта небольшая книжка содержит 24 картинки, описывающих похождения мальчика и его собаки, отправившихся разыскивать убежавшую от них лягушку (см. примеры картинок на рис. 2).

Рис. 2. Пример стимульного материала «Рассказов о лягушке» [Mayer 1969]

Эта книжка с картинками неоднократно использовалась в качестве стимульного материала для получения корпуса элицитированных рассказов; наиболее популярны подобные исследования в области изучения особенностей построения детских рассказов (отметим в числе прочих работы [Bamberg 1986, 1987; Berman, Slobin 1994; Renner 1988; Strömquist, Verhoeven 2004; Wigglesworth 1997], в том числе работы, описывающие нарративную продукцию детей с различного рода нарушениями речевого развития [Norbury, Bishop 2003]). В книге [Berman, Slobin 1994] содержится подробный анализ как процедуры проведения исследований из цикла «Рассказов о ля-

гушке», так и корпуса рассказов, собранных на различных языках. Кроме того, на сайте самой большой на сегодняшний день мультиязычной базы данных детской речи CHILDES (<http://childes.psy.cmu.edu>), созданной под руководством Б. МакВинни, собрано в общей сложности около тысячи записей «Рассказов о лягушке» детей в возрасте от 3 до 11 лет, а также взрослых испытуемых на английском, немецком, испанском, итальянском, иврите, голландском, турецком, арабском, русском и тайском языках.

«**Рассказы о грушах**». В качестве примера оффлайнового пересказа видеоролика рассмотрим самый известный подобный видеоролик

конца XX в., впервые описанный в коллективной монографии [Chafe 1980]. В этом исследовании носители разных языков (обычно по 20 испытуемых для каждого языка) смотрели и пересказывали специально снятый для научных целей ше-

стиминутный видеоролик (см. скриншоты на рис. 3). Этот ролик должен был быть понятен представителям разных культур, поэтому в нем не было речи, а описанные события могли произойти в любом уголке земного шара.

Рис. 3. Скриншоты из «Фильма о грушах» [Chafe 1980]

Пересказы этого фильма были собраны более чем на 15 языках (в том числе и редких, например на майянском языке сакапультек) и послужили основой многих теоретически важных работ (в частности, [Chafe 1994]). Несмотря на то что после выхода коллективной монографии [Chafe 1980] прошло уже более тридцати лет, предложенная в ней методология сбора рассказов и сегодня является исключительно востребованной; в качестве примера можно привести известный проект «Китайских рассказов о грушах», посвященный изучению различий в семи китайских диалектах (см. www.pearstories.org). Кроме того, в течение уже многих лет в университете штата Нью-Мехико (США) под руководством Ш. Уилкокса создается корпус «Рассказов о грушах» сразу на нескольких жестовых языках – американском, итальянском, каталанском и бразильском. «Рассказы о грушах» неоднократно собирались и с привлечением русскоязычных носителей. В частности, пересказы «Рассказов о грушах» были использованы в работе [Stoll, Bickel 2009], при анализе русского жестового языка глухих [Прозорова 2007], а также жестов, сопровождающих звучащую речь [Николаева 2005].

2. Полевая лингвистика⁷

Согласно одному из самых общих определений, полевая лингвистика – это «комплекс методов для исследования и описания языка...»⁸ [Кибрик А.А. 2010]. Современная американская полевая традиция (см. обзор в [Chelliah, Reuse 2011: 33–77]) в значительной степени продолжает ориентироваться на идеи Ф. Боаса [Boas 1911, 1940], Э. Сепира [Sapir 1916, 1921] и Л. Блумфилда [Bloomfield 1933], в то время как современная отечественная практика полевой работы

восходит к работам российских лингвистов, в частности А.Е. Кибрика [Кибрик А.Е. 1972, 2004, 2005, 2010; Kibrik A.E. 2007].

Можно выделить пять основных черт прототипического полевого исследования. Во-первых, само название направления говорит о том, что прототипическая полевая лингвистика предполагает выезд в поле, то есть работу в привычной для носителей изучаемого языка (которых традиционно называют информантами) обстановке. Во-вторых, согласно определению, полевая лингвистика располагает особыми методами сбора и описания языка. В-третьих, полевое исследование состоит в первую очередь из работы с носителями изучаемого языка, а не с существующими текстами или грамматиками. В-четвертых, изучаемый язык обычно изначально неизвестен исследователю или, по крайней мере, не является его родным языком. Наконец, обычно этот язык является в целом малоизученным, то есть не имеет многотомных грамматик и сборников текстов; кроме того, часто он не имеет и письменности.

В данном разделе я не ставлю цель провести полное сопоставительное исследование особенностей различных подходов к работе в поле; скорее, я сосредоточусь на различных подходах к сбору языкового материала. Можно выделить три результирующих составляющих полевой работы. Во-первых, это создание **словаря**. Во-вторых, это написание **грамматики** изучаемого языка (в англоязычной традиции в таких случаях часто используется термин “reference grammar”); в-третьих, это составление глоссированного сборника **текстов** с переводом. В работе [Evans, Dench 2006: 10–16] три описанные составляющие получили название «триады Боаса». Таким образом, несколько огрубляя действительное по-

ложение дел (в частности, оставляя в стороне изучение фонетической/фонологической составляющей неизвестного исследователю языка), можно сказать, что полевой лингвист использует полевые методы при сборе (1) словаря, (2) граммматики и (3) текстов. Рассмотрим каждую составляющую более подробно, обращая особое внимание на ключевое понятие полевой работы – понятие **элицитации** (англ. elicitation).

2.1. Сбор словаря

Относительно сбора словаря практически у всех исследователей наблюдается полное единодушие – большая часть словаря собирается методом элицитации при помощи перевода с языка-посредника; мы будем называть эту разновидность метода **лексической элицитацией**. В работе [Chelliah, Reuse 2011: 229] описывается процедура элицитации языковых данных при помощи картинок-изображений, а также фотографий. Предполагается также, что ту часть словаря, которую возможно собрать, используя непосредственное указание на окружающие исследователя предметы домашнего обихода и природы, лучше собирать именно так. Кроме того, все полевые лингвисты сходятся в том, что словарь следует начинать собирать с самого начала полевой работы.

2.2. Сбор грамматики

Эта область, наоборот, вызывает среди сторонников различных подходов максимальное количество разногласий. Согласно мнению радикальных сторонников идей экологической валидности языковых данных, использование метода перевода с языка-посредника при изучении грамматических явлений (то есть **грамматическая элицитация**) абсолютно запрещено; см. цитату: «Вы, должно быть, заметили, что, когда я упоминал лексическую элицитацию, я не упоминал грамматическую элицитацию, то есть движение сквозь батарею предложений на языке-посреднике с просьбой их перевода на изучаемый язык с целью получить глагольные парадигмы, структуры относительных предложений, или что-то подобное. Такая элицитация вообще не должна использоваться при работе в поле» [Dixon 2007: 23].

Р. Диксон убежден, что основную часть грамматики исследователь должен описывать, анализируя записанные тексты: «Единственный способ понять грамматическую структуру языка – это анализировать записанные на этом языке тексты» [ibid.: 20]. На его взгляд, метод перевода с языка-посредника недопустим даже при сборе парадигм спряжения и/или склонения: «Что вы никогда не должны делать, так это пытаться по-

лучить парадигму с чистого листа, неумолимо двигаясь через все параметры, как то: 1 лицо, 2 лицо, 3 лицо, единственное число, множественное число, прошедшее время, настоящее время, будущее время» [ibid.: 24].

Однако Р. Диксон, разумеется, понимает, что многие относительно редкие грамматические конструкции или отдельные грамматические формы могут не встретиться в собранных текстах. Что делать с такими лакунами? Диксон описывает следующий метод своей работы в Бразилии с языком жаравара (англ. Jarawara): лакуны в парадигмах, которые ему не удавалось заполнить, анализируя тексты, он постепенно (но не все лакуны одной парадигмы сразу) собирал у информантов, используя другую разновидность метода элицитации. Сначала на португальском языке или на языке жаравара он описывал некоторый контекст, затем уже на языке-оригинале приводил короткий диалог, который заканчивался предложением со словом, стоящим в целевой форме. После это он спрашивал у информанта, можно ли так сказать на их языке. Важно, что он не останавливался, получая ответ «да», а просил информантов повторить это последнее предложение целиком: «Люди часто говоря “да” в ответ на предложение, которое правильно относительно изучаемого явления, но ошибочно в чем-то другом. В таком случае при повторении предложение может не совпасть с предложенным вами» [ibid.: 24] Данный феномен (когда испытуемый соглашается с правильностью предложения на совах, а потом сам повторяет другую форму) хорошо известен и в экспериментальной лингвистике. Итак, вместо метода грамматической элицитации с языка-посредника Диксон предлагает в случае необходимости использовать метод грамматической элицитации непосредственно на языке-оригинале.

Более сложные грамматические явления, на взгляд Диксона, изучать методом элицитации вообще недопустимо. В частности, в разделе «Чего нельзя делать» он пишет: «Я знаю лингвистов, которые пытаются изучать относительные предложения в языке X методом грамматической элицитации этих конструкций с английского языка», – и далее объясняет, почему так нельзя делать: «при таком подходе вы в лучшем случае узнаете, насколько изучаемый язык похож на язык-посредник» [ibid.: 27].

Однако далеко не все полевые лингвисты настроены так радикально. Например, в одном из популярных учебников мы находим ровно обратное высказывание о возможных методах изучения относительных предложений: «Наконец, вы можете перейти к элицитации более сложных

грамматических конструкций. Теперь вы можете начать интересоваться эквивалентами английских относительных предложений типа *The man saw the dog which swam across the river* [Crowley, Thieberger 2007: 100]. Авторы этого учебника считают метод элицитации основным в полевой работе, в то время как автор еще одного полевого учебника резонно замечает, что «элицитация – это не единственный способ получения данных в поле. Но различные подвиды метода элицитации дают возможность получить данные **быстро**» [Bower 2008: 73]. Автор последнего упомянутого учебника по полевой работе находит некоторый разумный компромисс между двумя крайними точками зрения и полагает, что при сборе парадигм оба подхода – как метод анализа текстов, так и метод элицитации – имеют право на существование [ibid.: 94].

Наиболее подробная, насколько мне известно, классификация методов грамматической элицитации приводится в книге [Chelliah, Reuse 2011]. Основываясь на классификации из известной работы [Samarin 1967], авторы сначала делят все методы элицитации на опросники (англ. *scheduled elicitation* в терминологии Самарина) и аналитическую элицитацию (англ. *analytical elicitation*). Опросники, в свою очередь, делятся на аналитические и переводные, (подробнее см.: [Федорова 2014: 82–86]).

2.3. Сбор текстов

Данная составляющая работы полевого лингвиста также вызывает серьезные разночтения. Во-первых, важным вопросом является вопрос о том, как рано надо начинать собирать тексты. Если Р. Диксон и его последователи полагают, что записывать тексты следует с самого начала, буквально со второй недели работы в поле (чтобы затем строить на анализе этих текстов всю дальнейшую полевую работу), то другие откладывают сбор текстов на несколько месяцев или даже на последующие экспедиции; некоторые полевые лингвисты вообще считают сбор текстов необязательной составляющей полного описания языка. Во-вторых, встает вопрос, обязательно ли анализировать собранные тексты в экспедиции, или можно отложить эту работу «на дом» и даже обойтись потом без помощи информантов. Р. Диксон, уделяющий максимальное внимание таким подробностям полевой работы, дает совет и в этой ситуации: «Вы можете отложить анализ текстов на потом, но транскрибировать тексты без помощи носителя языка – ошибочно и глупо» [Dixon 2007: 27].

Наконец, больше всего разных мнений высказывается по поводу вопроса о том, какие именно

тексты нужно собирать. Некоторые исследователи полагают, что важнее всего собирать фольклорные тексты сказаний и легенд. Другие, напротив, считают, что такие тексты обычно рассказываются на языке, максимально далеком от современного его состояния, так что особого интереса они не представляют. Сторонники «чистого» подхода (в частности, [Dixon 2007]) категоричны в том, что нужно собирать только спонтанные тексты, как монологи, так и диалоги. Мы вернемся к этому вопросу в разделе 3.

3. Экспериментальный анализ дискурса применительно к полевой работе

Итак, сначала в разделе 1 мы рассмотрели различные типы элицитации дискурсов: метод референциальной коммуникации на примере «Диалогов о танграммах», метод рассказа по картинкам (онлайновое комментирование) на примере «Рассказов о лягушке» и метод пересказа видеоролика (оффлайновый пересказ) на примере «Рассказов о грушах». Затем в разделе 2 мы подробно проанализировали тот же метод элицитации, но уже применительно к области полевой лингвистики, а именно – лексическую элицитацию при сборе словаря и грамматическую элицитацию при сборе грамматики. Что касается вопроса об элицитации текстов при полевой работе, то, как было отмечено выше, большинство полевых лингвистов решает его отрицательно, предпочитая выбирать между сбором фольклора и записями спонтанных монологов и/или диалогов. В одном из самых авторитетных и популярных учебников по полевой лингвистике это сформулировано в особенно категоричной форме: «Наконец, мы согласны, что (...) эксперименты, которые используют психолингвисты, не являются полевой работой» [Chelliah, Reuse 2011: 9]. Данное утверждение можно считать антитезисом настоящей статьи. Вопреки данному мнению я полагаю, что использование экспериментальной процедуры необходимо не только экспериментальным психолингвистам, но и представителям других лингвистических дисциплин; в первую очередь это относится именно к полевой лингвистике, большинство представителей которой до сих пор рассматривают экспериментирование как нечто совсем чужеродное.

Тем не менее и в стане современных полевых лингвистов можно найти некоторые исключения из этого правила, как в теоретическом плане, так и в практическом. В частности, в учебнике [Bower 2008] приводится относительно подробная классификация методов элицитации дискурсов, включающая: (1) сказки на ночь, которые родители рассказывают своим детям; (2) рас-

сказы по картинкам (в том числе и рассказы по цитируемой выше книге “Frog, Where are you?”); (3) различные инструкции, которые носители языка дают исследователям, объясняя им, в частности, как играть в некую карточную игру или что можно купить в каком магазине; (4) биографии родственников информантов, а также автобиографии информантов; (5) личные рассказы информантов о том, что они или их родственники делали вчера, на прошлой неделе и т. д. Заметим, что в этом списке отсутствует методика оффлайн-пересказа, описанная выше на примере «Рассказов о грушах» У. Чейфа.

Говоря о практическом применении экспериментальных методов эlicitации дискурсов в полевой работе, приведем в пример работу [Austin 2012]. В данном исследовании автор изучал весьма частную проблему – диалектные особенности использования назальных префиксов глаголов в языке сасак, распространенном на острове Ломбок в Индонезии. Для исследования этого вопроса он собрал два корпуса эlicitированных дискурсов, которые мы упоминали выше: корпус онлайн-рассказов по картинкам «Рассказы о лягушке» и корпус оффлайн-пересказов по «Фильму о грушах». Несомненно, собранный автором материал будет использован в дальнейшей работе и при анализе других фонологических, морфо-синтаксических или дискурсивных особенностей языка сасак.

Отметим еще один важный методологический момент сбора устных дискурсов в полевой работе. В последние годы лингвистика начинает отходить от вербоцентрического подхода XX в., когда исследователи занимались исключительно вербальным каналом передачи информации, состоящим из слов, словосочетаний и предложений. На смену ему приходит новая мультимодальная перспектива [Adolphs, Carter 2013; Knight 2011; Müller et al. 2014], учитывающая два вокальных канала коммуникации – вербальный и просодический, а также группу кинетических каналов [Кибрик А.А. 2010]. К просодическому каналу относятся интонация, дискурсивные акценты, громкость, регистр, тембр и т. д. [Кибрик, Подлеская 2009; Кодзасов 2009]. К кинетическим, или визуальным, каналам (иногда именуемым языком тела) принадлежат мимические жесты, жесты головы, мимика, проксемика, направление взгляда и т. д. [Крейдлин 2002; Kendon 2004; McNeill 2005]. Очевидно, что, как в лингвистике в целом, так и в полевой лингвистике, всестороннее представление о мультимодальном языковом общении собеседников можно получить только при анализе всех вышеописанных составляющих. Таким образом,

необходимым условием такого подхода является наличие качественных аудио- и видеозаписей собранного материала.

Замечательным примером подобного экспериментального мультимодального подхода к полевой работе может служить проект PAGE (Prosodic and Gestural Entrainment in Conversational Interaction Across Diverse Languages), активно развивающийся в последние годы в университете имени Адама Мицкевича в Польше (в частности, см. [Karpiński, Jarmolowicz-Nowikow, Czoska 2015]). Продолжая культурологическую традицию У. Чейфа с коллегами, польские исследователи записывают «Диалоги о танграммах» (см. раздел 1.1) в самых разных частях света – в Европе, Северной Америке, Океании. Участниками проекта была разработана специальная схема аннотации невербальной составляющей PAGE GAS, которая позволяет фиксировать жесты рук, мимику, жесты головы и прочие атрибуты языка тела. В частности, они показали, что в европейской культуре движения губ и бровей имеют совсем небольшое значение, в то время как в культуре папуасов им отводится исключительно важная роль [Wilkins 2008].

* * *

Итак, подведем итоги. Как было показано, ключевым вопросом методологии полевой лингвистики является метод эlicitации, в первую очередь метод – эlicitации грамматики. Существует несколько крайних точек зрения: одни полевые лингвисты считают его вредным и всячески избегают его использовать, а другие, наоборот, используют его повсеместно. На мой взгляд, как это часто бывает, оптимальное решение находится где-то посередине. По-видимому, стоит использовать не только экологически чистые методы сбора спонтанных текстов и эlicitацию на изучаемом языке, но и менее трудоемкий метод эlicitации на языке-посреднике. Однако соотношение этих методов должно меняться в ходе работы. Как кажется, наиболее точно эта мысль выражена в цитате из учебника “Describing morphosyntax: A guide for field linguists”: «стоит начинать с 90 % эlicitированных данных и 10 % текстовых данных, а затем постепенно двигаться к соотношению 90 % текстовых данных и 10 % эlicitированных данных» [Rayne 1997: 27]. Другими словами, на первых этапах работы в поле, когда исследователь хочет побыстрее собрать побольше материала, он может себе позволить активно использовать метод эlicitации – как для сбора словаря, так и для сбора исходной грамматики типа парадигм и простых конструкций. Однако на более продвинутом этапе работы, когда он уже готовит то или иное

описание языка, ему стоит все меньше использовать метод элицитации, особенно на языке-посреднике, а для описания грамматики все чаще опираться на собранные и проанализированные тексты. Что касается метода элицитации дискурсов, то, на мой взгляд, данный метод должен повсеместно использоваться в полевой работе наравне с другими, более экологически безупречными методами сбора текстов, давая исследователю возможность собирать ранообразные по жанру элицированные дискурсы. Кроме того, сбор такого материала позволяет проводить различные кроссязыковые исследования, как это было сделано на материале письменных пересказов «Фильма о грушах» в давней работе [Chafe 1980] и осуществляется в настоящее время на материале «Диалогов о танграммах» в проекте PAGE.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №14-06-00211.

² Подробнее о термине «элицитация» («извлечение») см. раздел 2. В области дискурсивного анализ данный термин практически не встречается.

³ Прежде чем переходить к описанию различных методов элицитации дискурсов, необходимо сделать одну важную оговорку. Традиционно принято делить используемые методы на методы, связанные с порождением монолога, и методы, связанные с порождением диалога. Однако строгое противопоставление диалога и монолога, сложившееся в лингвистике XX в., представляется не совсем корректным: в монологе адресат так же необходим, как и при диалоге, только распределение ролей говорящего и адресата в монологе устроено иначе, чем при диалоге. Можно сказать, что прототипический дискурс, в котором регулярно происходит смена говорящего и адресата, называется диалогом, в то время как монолог представляет собой непрототипический случай, при котором один участник всегда или почти всегда выполняет роль говорящего, а второй – роль адресата. Более того, в области психолингвистики уже экспериментально подтверждены различия в поведении испытуемых, рассказывающих экспериментальные истории реальному или воображаемому собеседнику (см., в частности, работы [Brown-Schmidt 2009; Kantola, Gompel van 2011]).

⁴ Корпусом в строгом смысле слова называется представительная, сбалансированная и лингвистически аннотированная коллекция текстов.

⁵ В частности, в исследованиях с маленькими детьми часто опускается стадия предварительного рассматривания всей книжки с картинками; с

другой стороны, процедура комментирования видеоролика в режиме онлайн часто оказывается для испытуемых трудновыполнимой.

⁶ Следует отметить еще одну особенность книжек с картинками и видеороликов, которые используются в таких исследованиях. В подобных книжках никогда не бывает слов, а в видеороликах озвучивание обычно ограничивается звуками природы. Таким образом, данный стимульный материал подходит как для проведения исследований с детьми, еще не умеющими читать, так и для сопоставительных исследований на материале разных языков.

⁷ При написании этого раздела я опиралась на свой собственный опыт полевой работы с информантами, полученный в ходе экспедиций, организованных кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством А.Е. Кибрика, а также в той или иной степени использовала следующие учебники [Bowern 2008; Chelliah, Reuse 2011; Crowley, Thieberger 2007; Dixon 2007; Payne 1997].

⁸ Данное определение полевой лингвистики было выбрано из числа многих других не случайно; я согласна с мнением В.И. Беликова о том, что «делить языковедческие дисциплины на полевые и неполевые не следует, полевыми бывают только **методы сбора** материала и его **предварительной интерпретации** (именно в этом состоит часть работы с информантом)» [Беликов 2003: 24].

⁹ В данной работе я буду переводить английский термин “elicitation” калькой «элицитация»; в работе [Кибрик А.Е. 2004] в качестве перевода был использован термин «извлечение». В целом, английский термин “elicitation” может пониматься весьма широко, иногда охватывая даже область интроспекции, когда исследователь тестирует свою интуицию на предмет приемлемости или неприемлемости того или иного высказывания на своем родном языке. Однако в данной работе под элициацией будут пониматься только эмпирические методы работы с языковым материалом. В работе [Chelliah, Reuse 2011] авторы приняли решение вообще отказаться от использования термина “elicitation” в пользу термина “data gathering” («сбор данных»).

Список литературы

Беликов В.И. Полевая и неполевая идеология в лингвистике // Первый Международный симпозиум по полевой лингвистике. М., 2003. С. 24–28.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 90 с.

- Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
- Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования / под ред. Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева. М.: Институт психологии РАН, 2010. Вып. 4. С. 134–152.
- Кибрик А.А., Подлесская В.И.* (ред.) Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- Кибрик А.Е.* Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во Моск. унта, 1972. 181 с.
- Кибрик А.Е.* Методы коллективной полевой работы: школа филфака МГУ // Вестник МГУ. 2004. № 6. С. 24–43.
- Кибрик А.Е.* Опыт ОТИПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков: Посвящается 75-летию академика Вяч. Вс. Иванова. М.: Новое издательство, 2005. С. 53–71.
- Кибрик А.Е.* Полевая лингвистика // Интернет-Энциклопедия «Ломоносов». 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127176:article> (дата обращения: 12.10.2016).
- Кодзасов С.В.* Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 496 с.
- Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
- Николаева Ю.В.* Значение и функции жестов-иллюстраторов в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог-2005» / под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей. М.: Наука, 2005. С. 385–389.
- Прозорова Е.В.* Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 44–61.
- Федорова О.В.* Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 510 с.
- Фрумкина Р.М.* Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Известия АН. Серия литературы и языка 1999. № 58(4). С. 28–38.
- Чейф У.* Роль интроспекции, наблюдения и экспериментирования в понимании мышления // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук / под ред. Б.М. Величковского, В.Д. Соловьева. М.: Наука, 2008. С. 163–179.
- Adolphs S., Carter R.* Spoken corpus linguistics: From monomodal to multimodal. New York: Routledge, 2013.
- Austin P.K.* Too many nasal verbs: Dialect variation in the voice system of Sasak // A. Adelaar (ed.). Voice variation in Austronesian languages of Indonesia. NUSA. 2012. Vol. 54. P. 29–46.
- Bamberg M.* A functional approach to the acquisition of anaphoric relationships // Linguistics. 1986. № 24. p. 227–284.
- Bamberg M.* The acquisition of narrative: Learning to use language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Berman R., Slobin D.I.* (eds.). Different ways of relating events in narrative: a crosslinguistic developmental study. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1994.
- Biber D., Connor U., Upton T.* Discourse on the move: Using corpus analysis to describe discourse structure. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Bloomfield L.* Language. New York: Holt and Co, 1933.
- Boas F.* Handbook of American Indian Languages. Washington: Smithsonian Institution, 1911.
- Boas F.* Race, language and culture. Macmillan Press, 1940.
- Bowern C.* Linguistic fieldwork: A practical guide. Palgrave Macmillan, 2008.
- Brown-Schmidt S.* Partner-specific interpretation of maintained referential precedents during interactive dialog // Journal of Memory and Language. 2009. Vol. 61(2). P. 171–190.
- Butler L.K.* et al. Learning to express visual contrasts in the production of referring expressions in Yucatec Maya / L.K. Butler, T.F. Jaeger, J. Bohne-meyer, K. Furth. // Proceedings of the Workshop on the Production of Referring Expressions (PRE-CogSci 2011). Boston, 2011.
- Chafe W.* (ed.). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood: Ablex, 1980.
- Chafe W.* Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: Chicago University Press, 1994.
- Chelliah S.L., Reuse W.J.* Handbook of descriptive linguistic fieldwork. Springer, 2011.
- Clark H.H., Wilkes-Gibbs D.* Referring as a collaborative process // Cognition. 1986. Vol. 22(1). P. 1–39.
- Crowley T., Thieberger N.* Field linguistics: A beginner's guide. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Dijk T.F. van* (ed.). Discourse as Structure and Process. SAGE Publications Ltd, 1997.

- Dixon R.M.W.* Field linguistics: A minor manual // *Language Typology and Universals*. 2007. Vol. 60. P. 12–31.
- Evans N., Dench A.* Introduction: Catching language // F.K. Ameka, A. Dench, N. Evans (eds.). *Catching language: The standing challenge of grammar writing*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–39.
- Gatt A., Sluis I. van der, Deemter K. van.* Evaluating algorithms for the generation of referring expressions using a balanced corpus // *Proceedings of the 11th European Workshop on Natural Language Generation*, 2007. P. 49–56
- Goudbeek M. et al.* Referring under load: Disentangling preference-based and alignment-based content selection processes in referring expression generation / Goudbeek M., van Deemter K., Gatt A., van Gompel R., Krahmer E. // *Proceedings of the Workshop on the Production of Referring Expressions (PRE-CogSci 2011)*. Boston, 2011. P. 1–6.
- Graesser A.C., Millis K.K., Zwaan R.A.* Discourse comprehension // *Annual Review of Psychology*. 1997. Vol. 48. P. 163–189.
- Graesser A.C., Gernsbacher M.A., Goldman S.R.* (eds.). *Handbook of discourse processes*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003.
- Kantola L., Gompel R.P.G. van.* Does the addressee matter when choosing referring expressions? // *Proceedings of the Workshop on the Production of Referring Expressions (PRE-CogSci 2011)*. Boston, 2011.
- Karpiński M., Jarmolowicz-Nowikow E., Czoska A.* Gesture annotation scheme development and application for entrainment analysis in task-oriented dialogues in diverse cultures // *Proceedings of GESPIN 2015 Conference*. Nantes, France, 2015.
- Kendon A.* *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Kibrik A.A.* *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kibrik A.E.* Collective field work: Advantages or disadvantages? // T.E. Payne, D.J. Weber (eds.). *Perspectives on grammar writing*. Amsterdam: Benjamins, 2007. P. 25–44.
- Knight D.* *Multimodality and active listenership: A corpus approach*. London: Continuum, 2011.
- Krauss R.M., Weinheimer S.* Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. № 4. P. 343–346.
- Mayer M.* *Frog, where are you?* New York: Dial Books for Young Readers, 1969.
- McNeill D.* *Gesture and thought*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Müller C. et al. (eds.).* *Body – Language – Communication* / C. Müller, E. Fricke, A. Cienki, D. McNeill (eds.). Berlin: De Gruyter, 2014.
- Norbury C.F., Bishop D.* Narrative skills of children with communication impairment // *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2003. Vol. 38(3). P. 287–313.
- Payne T.E.* *Describing morphosyntax: A guide for field linguists*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Renkema J.* *Introduction to Discourse Studies*. John Benjamins Publishing, 2004.
- Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. (eds.).* *The Handbook of Discourse Analysis*. Blackwell Publishers, 2001.
- Renner T.* Development of temporality in children's narratives: unpublished doctoral dissertation. University of California: Berkeley, 1988.
- Samarin W.J.* *Field linguistics: A guide to linguistic field work*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1967.
- Sapir E.* *Time perspective in aboriginal American culture: A study in method*. Ottawa: Government Printing Bureau, 1916.
- Sapir E.* *Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace and company, 1921.
- Stoll S., Bickel B.* How deep are differences in referential density? // *Crosslinguistic approaches to the psychology of language*. Mahwah, 2009. P. 543–555.
- Strömqvist S., Verhoeven L. (eds.).* *Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
- Westerbeek H., Maes A.* Referential scope and visual clutter in navigation tasks // *Proceedings of the Workshop on the Production of Referring Expressions (PRE-CogSci 2011)*. Boston, 2011.
- Wigglesworth G.* Children's individual approaches to the organization of narrative // *Journal of Child Language*. 1997. Vol. 24. P. 279–309.
- Wilkins D.* Why pointing with the index finger is not a universal (in sociocultural and semiotic terms). // S. Kita (ed.). *Pointing: Where language culture and cognition meet*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 2008. P. 171–215.

**PSYCHOLINGUISTIC STUDIES OF DISCOURSE
IN FIELD LINGUISTICS**

Olga V. Fedorova

**Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Lomonosov Moscow State University**

The article is devoted to the description of the two linguistic areas that until recently have been very little connected with each other – experimental discourse analysis and field linguistics. Section 1 describes a relatively new psycholinguistic tradition – experimental discourse analysis, section 2 is devoted to the methodological characteristics of field linguistics; finally, section 3 is the prospect of experimental discourse research in field work. The key concept of this article is the concept of elicitation – conscious change by researcher conditions of natural language interaction, not satisfying the rigorous experimental procedure. This concept is widely used in field linguistics and is rarely used outside. It seems that the term “elicitation of discourses” describes well the borderline cases of the experimental work of discursive psycholinguist lying between “pure” observation and “pure” experiment. At the same time, traditionally elicitation is a common field method in collecting vocabulary and grammar, but it is rarely used in collecting texts. However, recent field studies demonstrate a new approach, in which an important place is given to discourses elicitation.

Key words: psycholinguistics; discourse; field linguistics; experiment; elicitation.